

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI— НАЧАЛА XIII вв. И ПРОБЛЕМА ЕЕ НАРОДНОСТИ

Рассмотрев ряд вопросов, связанных с проблемой возникновения русской литературы, и познакомившись с конкретным материалом ее истоков, возникновения и развития, мы вправе подойти к наиболее сложному вопросу нашей темы — к вопросу о классовом характере и народности русской литературы интересующего нас периода.

Учение И. В. Сталина о базисе и надстройке, указание на то, что феодальный строй общества имеет свою надстройку, облегчает нам изучение классовой сущности древнерусской литературы. Развитие феодального строя общества определяется, в основном, борьбой двух классов-антагонистов феодального общества: господствующего класса землевладельцев — феодалов и эксплуатируемого большинства — класса земледельцев. «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя».¹

Литература раннефеодального периода и периода феодальной раздробленности отражала в первую очередь идеологию господствующего класса, но и не только отражала: она явилась величайшей активной силой, способствовавшей укреплению феодального строя. Литература носила классовый характер и, в основном, служила интересам господствующего класса. Однако вопрос о классовом характере литературы феодализма не следует понимать упрощенно. Антагонистическое общество расколото на враждебные классы, но это не значит, что эти враждебные классы не связаны друг с другом в одном обществе. Об этом прямо говорит И. В. Сталин в своих работах по языкоизнанию: «Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея,

¹ История ВКП(б). Краткий курс. 1946, стр. 120.

з своем распоряжении наемных рабочих, пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества».¹

Эти указания И. В. Сталина имеют очень большое значение для изучения литературы. Неверно было бы думать, что литература создается только представителями господствующих классов. В создании литературы принимает участие и трудовой народ.

Литература, в основном, отвечала интересам господствующего класса. В связи с этим полезно напомнить слова Ф. Энгельса о том, что «мысли господствующего класса суть господствующие мысли».² Было бы неправильно понимать слова Энгельса о «господстве» слишком расширенно. Господство не есть поглощение. Господствующий класс господствует, но не уничтожает трудовой, эксплуатируемый класс, не уничтожает и его идеологию, хотя и стремится к ее уничтожению. Господствующий класс только господствует, но истинным создателем материальных и духовных ценностей в конечном счете выступает все же трудовой народ. Учение Ленина о двух культурах, развитое И. В. Сталиным в его работах по языкоизнанию, исключает вопрос о «поглощении».

В феодальном периоде церковная идеология господствовала, однако власть церкви не была абсолютной. Сама борьба церкви с ерсиями говорит об ограниченности ее господства. Художественное творчество в основном развивалось в опре^кки господствующей церковной идеологии.

Литература эпохи феодализма, в основном, обслуживает господствующий класс феодального общества. Однако изменения в этой литературе господствующего класса происходили очень часто под влиянием тех новых задач, которые ставились ей классовой борьбой трудового народа против феодалов.

Крестьянство в XI—XIII вв. и позднее, вплоть до XVII в., не создало собственной письменной литературы. Только немногие отдельные произведения отразили идеи трудовых масс населения Руси и ответили их же интересам — как, например, «Слово

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоизнания. Госполитиздат, 1951, стр. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 36.

о полку Игореве». Но, отразив интересы трудового народа, «Слово» не было созданием крестьянина или ремесленника. Крестьянской литературы как таковой не было. Это имело свои причины, лежащие прежде всего в темноте крестьянства и его неорганизованности как класса. Анализ классовой борьбы крестьянства при феодальном строе приводит к выводу, что в период феодализма крестьянские войны не могут привести к победе. Эта особенность крестьянских движений при феодализме вскрыта в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. И. В. Сталин, анализируя причины неудач восстаний Болотникова, Разина и Пугачева, пишет, что «отдельные крестьянские восстания... ни к чему серьезному не могут привести», что эти движения есть «отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета».¹

В. И. Ленин пишет: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».²

Не создав собственной письменной литературы, отражающей их интересы, крестьяне тем не менее создали при феодализме свою великую устную литературу. Здесь, в устном народном творчестве, проявления идеологии господствующих классов были значительно реже, чем проявления крестьянской идеологии в литературе письменной.

Вместе с тем, не заняв в письменной литературе господствующих позиций, трудовой народ постоянно воздействовал на эту письменную литературу, очень часто определяя этим своим воздействием ее движение вперед по пути исторического прогресса.

Мы не можем относить к устному народному творчеству дружинные песни, отразившиеся в составе «Повести временных лет», семейные предания какого-нибудь знатного рода,³ монастырские легенды⁴ и т. д. Устное творчество феодалов не следует смешивать с устным творчеством народа, с фольклором. Однако и подлинно народное устное творчество заключало в себе противоречивые элементы, в нем были произведения прогрессивные и

¹ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партизат, 1937, стр. 24.

² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

³ См. об этом в статье: Д. Лихачев. Устные летописи в составе «Повести временных лет». Исторические записки, 1945, № 18.

⁴ См. выше, стр. 143.

реакционные, появление которых было обусловлено некоторой ограниченностью крестьянской идеологии. Однако в целом устное творчество народа заключало в себе здоровые силы развития, было в основном прогрессивно, оказывало исключительно плодотворное влияние на литературу, обогащая ее идеями, средствами художественной выразительности, элементами реалистичности, элементами стихийного материализма и внося в литературу сильную национальную струю.

Борьба народного начала (обогащавшего литературу жизненным опытом, элементами реализма, фольклора) с господством малоподвижной феодальной церковной идеологии, в значительной мере связанной с традициями переводной литературы, на протяжении нескольких веков составляет затем самую суть историко-литературного процесса, являясь по существу частью общей борьбы классов.

Литература феодализма, в основном, отвечала интересам господствующего класса, но, занимая в литературе господствующие позиции, феодалы, как и в других областях творчества, не могли обойтись без народа. Творчество трудового народа разными путями сказывалось в литературе.

В каких формах выражалось воздействие трудовых масс населения на литературу письменную? Мы уже отметили одну такую форму воздействия: под влиянием борьбы трудящихся масс с господствующим классом последний вынужден усложнять и усиливать средства идеологического воздействия на массы, в том числе и средства литературы. Изменения этого «ответного» характера могли быть и прогрессивными и реакционными. Господствующий класс, в зависимости от политических обстоятельств, мог идти на уступки трудящимся массам, и тогда, в некоторых случаях, изменения в литературе могли носить прогрессивный характер. Так было, например, отчасти с политической и литературной деятельностью Владимира Мономаха.

Владимир Мономах был первым сильным князем на Руси, вступившим в союз с «революционными» элементами города и деревни для восстановления единства Руси. В его «Поучении» не случаен призыв «привечать» «гостей», т. е. купцов,¹ не случайны и меры к смягчению феодальной эксплуатации в его «Уставе о закупах».² Призванный на киевский стол в 1113 г. «князьями», Владимир Мономах вслед за тем во всей своей политической и литературной деятельности стремился к проведению по-

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 158, под 1096 г.

² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 208 и сл.—Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1944, стр. 497.

литики объединения. Пафосом объединения было проникнуто и его «Поучение к детям», и его письмо к Олегу, и выполненная при нем «Повесть временных лет».

Другой вид воздействия трудящихся масс на литературу письменную заключался в том, что господствующий класс использовал в своих целях творческие достижения трудящихся. Так было в ряде случаев, когда в литературу проникали элементы устного творчества трудового народа. Писатели — представители господствующего класса — стремились переосмыслить эти элементы устного творчества, но не всегда последовательно могли это сделать. Из устной поэзии в литературу проникало и ее содержание. Это особенно сказывалось в национально-патриотических темах. Здесь представители верхов феодального общества были иногда заинтересованы в патриотическом подъеме трудового народа, не могли без народа вести борьбу с внешним врагом, объединить государство, свергать чужеземное иго. В таких случаях в произведениях литературы сохранялось и самое содержание народной поэзии, ее патриотический подъем. «Повесть временных лет» дает очень яркий пример того, как господствующий класс брал на вооружение историческое устное творчество народа, используя его в произведении, обслуживавшем интересы феодалов.

Быстрому развитию летописания способствовало то обстоятельство, что в самом устном творчестве к X—XI вв. усилились элементы историчности. Интерес к истории отразился в топонимических легендах, в легендах о происхождении племен, городов и династий, в дружинных песнях о походах на Царьград и в родовых преданиях. Возникает былинный эпос и возникает летописание, на первых этапах своего развития широко пользующееся историческими данными фольклора.

Еще один путь воздействия трудящихся масс на литературу открывался там, где ослабевала идеологическая цензура господствующего класса. В письменную литературу проникали идеи, чуждые господствующим классам, проникали элементы народного творчества, возникали целые произведения вопреки интересам и вопреки воле феодалов. Так было, например, в новгородской летописи, ведшейся по инициативе господствующего класса, но в которой непосредственные исполнители заказов знати брали иногда сторону меньших людей.

В летопись проникают поговорки и загадки, проникает сюжет близкого к былинам народного предания о юноше-коожемяке, победившем печенежского богатыря (см. выше, стр. 55), с основной идеей превосходства мирного труда над профессиональным военным, превосходства простого ремесленника над дружинни-

ками князя. В летопись проникают обращения киевлян к Владимиру Мономаху с призывом: «постеречи земли Русские». В «Слове о полку Игореве» отражаются прогрессивные идеи, — идеи, соответствовавшие интересам народа. Широко проникают в письменность художественные особенности устного народного творчества. Эти особенности не всегда заметны, но исподволь, понемногу они вносят в литературу элементы реалистичности, разрушая устоявшиеся трафареты церковной письменности. Случаи такого проникновения народного творчества, народной идеологии в письменную литературу были далеко не редкими.

Наконец, как это мы отметим еще раз ниже, во внутриклассовой борьбе великокняжеская власть или нарождающееся дворянство (княжеские «милостники», приближенные, мелкое служилое боярство и т. д.) нередко использовали ярость народных масс против феодальной знати и прибегали в пропаганде своих взглядов к народному творчеству. «Милостник» Даниил Заточник в своем «Молении» к князю пользуется приемами народного балагурства, пользуется поговорками и пословицами. Впоследствии, в XVI в., «защитниками» народных интересов, — интересов крестьянства, выступят дворянские писатели — Иван Пересветов и Ермолай Еразм.

Если мы суммируем все случаи воздействия трудового народа на литературу письменную, то убедимся в том, что движение литературы вперед, на путях ее прогрессивного развития, осуществлялось в конечном счете под влиянием этого воздействия. Это воздействие, однако, выступает в очень сложных формах, часто трудно определимо, используется представителями господствующего класса в своих классовых интересах, но воздействие это было в основном стихийным.

Господствующий класс сохранял в литературе господствующие позиции, но в ряде случаев народ, в конечном счете, давал культуре движение вперед, вносил элементы прогресса. Господствующий класс подчинял этот прилив творческих сил своей идеологии, вводил течение живых творческих сил в свое русло, и почти во всех отдельных случаях это ему удавалось. Идеи господствующего класса оставались господствующими идеями, однако течение постепенно размывало и изменяло русло. Отдельные произведения вырывались из этого русла, противопоставляя идеологии господствующего класса идеологию трудового русского народа. Мы не знаем, много ли было этих произведений, так как господствующий класс феодалов не только препятствовал их появлению, но и уничтожал их тогда, когда они возникали. Произведения, отражавшие народную идеологию, встречали препятствия к своему возникновению, а возникнув, уничтожались.

Почему же господствующие классы вынуждены были все же опираться на отдельные элементы народной культуры? Ответ на этот вопрос будет заключаться не только в том, что заказчикам для выполнения своих заказов трудно обойтись без исполнителей, и не только в том, что материальную базу для культуры создавал народ. Контроль феодалов мог бы свести до минимума широкое проникновение народных начал в культуру верхов феодального общества. Дело не в этом. Господствующие классы вынуждены были опираться на трудовые народные массы, так как без их участия не могло быть создано и самое Русское государство. Трудовой народ Руси и участвовал в создании летописи, русской истории, отчасти даже и идеологии. Он давал материал для этой истории как хранитель преданий, легенд, исторических песен. Он участвовал в создании патриотической концепции русской истории. В своем патриотизме господствующие феодальные верхи учитывали патриотизм общенародный, хотя патриотизм трудового народа и патриотизм феодалов были далеко неоднородными.¹

Прослеживая развитие элементов реализма в литературе, мы можем установить, что эти элементы реализма определяются наиболее резко в те эпохи, когда трудящиеся массы действуют наиболее активно. Под влиянием народных масс, их идеологии, их борьбы складывается развитие реалистических элементов. Вместе с тем, и народное, национальное лицо литературы определялось главным образом живою связью письменных произведений с произведениями устного народного творчества. М. Горький утверждал: «Когда история культуры будет написана марксистами, — мы убедимся, что роль буржуазии в процессах культурного творчества сильно преувеличена, а в области литературы особенно сильно...».² Это утверждение М. Горького касается не только роли буржуазии, но и роли класса феодалов — применительно к русской литературе XI—XVII вв.

Значение народного творчества в формировании литературы в известной мере осознавалось уже некоторыми представителями старой буржуазной науки. Так, например, Ф. И. Буслаев писал: «...обыкновенно отказывают народу в его содействии к развитию собственно литературных идей, потому что привыкли думать, что книжное учение в древней Руси и процветание литературы в эпоху позднейшую есть область совершенно чуждая общей жизни народных масс, есть частное дело немногих, сосредо-

¹ См. ниже, стр. 221.

² М. Горький. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Сб. «Литературно-критические статьи», стр. 635.

точившихся в исключительной, им одним доступной сфере. На долю русского народа обыкновенно предоставляют только безыскусственную словесность, его песни и сказки, загадки и пословицы, а книжное ученье полагают привилегией людей избранных, которые сообщали и сообщают неграмотной братии, от своего книжного просвещения столько, сколько ей потребно, только ради чисто практических целей внешнего благочиния и порядка. Если бы этот начальный взгляд на нашу литературу и народность нашел себе оправдание в действительности, то, без сомнения, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся от жизни, и того ничтожнее была бы народность, которая в течение многовекового существования нашей письменности, не могла привиться к литературе и не умела стать с нею в уровень».¹

Проникновению народного начала в литературу высших классов феодального общества способствовали особые формы литературного творчества XI—XVII вв. В литературном творчестве этого времени еще сохранились элементы коллективности, свойственные устному творчеству. При многочисленных переписках того или иного произведения переписчики очень часто вносили свое, подвергая произведение либо незначительным переделкам, дополняя его или сокращая, либо очень серьезным переработкам. Переписчик постоянно становился «соавтором».

Переписчик находился между автором и читателем. В случае различия в их вкусах и идеологии переписчик становился на сторону читателя, — перерабатывая произведение так, как нужно было читателю или же самому ему.

Только в тех случаях, когда произведение принадлежало церковному авторитету — «отцу церкви» — или было связано с богослужением, с его строго установленными формами, переписчик не вносил в него изменений. В других случаях, если только он чувствовал себя в силах «улучшить» произведение, он его и «улучшал» по своему разумению. Средневековье не знало «авторского права» в нашем смысле этого слова. Отсюда множественность редакций одного и того же произведения. Вплоть до XVIII в. письменное творчество обладает элементами коллективности и, следовательно, не может быть полностью контролируемо феодалами. Только распространение книгопечатания уничтожило эту особенность литературы XI—XVII вв.

Произведение не только перерабатывалось, постоянно изменялось, приспосабливалось к требованиям времени или требова-

¹ Ф. Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь на торжественном собрании Московского университета 2 января 1859 г., отд. отт.

ниям той или иной читательской среды: оно постоянно вступало в соединение с другими произведениями. В произведение могли вноситься дополнительные эпизоды, дополнительные самостоятельные рассказы, либо произведения подбирались по какому-либо признаку в своеобразные «своды». Этот признак мог быть местный: например, вместе соединялись все повести, посвященные Новгороду, Рязани, Пскову, Мурому, Китежу; вместе соединялись в особые «патерики» все жития святых того или иного монастыря. Этот признак мог быть и какой-либо иной, обусловленный интересом переписчика или его читателей к истории, к церковно-учительной литературе, к устройству мира и т. п.

Оба эти явления литературы феодального периода — постоянные переделки произведений и постоянные их соединения с другим тематически однородным материалом — позволяли проникнуть в литературу элементам народной литературы, народной идеологии. То в повести, объединенные церковным интересом к иконе Николы Заразского, окажется внесенной переработка народной исторической песни о храбре Евпатии Коловрате, то в княжеской летописи окажется пересказ былины о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, то в монастырской летописи окажутся следы дружинной идеологии, и т. д.

Особенно большие возможности для проникновения народной идеологии представляла летопись. И понятно, почему. Летопись по самой природе своей была «сводом» различного материала, объединенного исторической тематикой. Все, что повествовало о прошлом Руси, — все это включалось в летопись. Сюда летописец включал и записи своих предшественников, и повести, и тексты договоров, и жития русских святых, иногда те или иные грамоты, имевшие исторический интерес, и многое другое. Сама форма летописей, — изложение по годам, в строго хронологическом порядке, — позволяла вносить все новый и новый материал, беспредельно расширять изложение.

Как произведение, посвященное русской истории, летопись и должна была, особенно в воспроизведении далекого прошлого, опереться на народную традицию, на народные рассказы о прошлом Руси. Она по теме своей стояла далеко от церковной литературы, от традиции византийской хронографии.

Таким образом, русская литература эпохи раннего и развитого феодализма, в основном, обслуживала интересы класса феодалов-землевладельцев, подчинявшего ее себе, занявшего в ней господствующие позиции, вводившего ее в различные сферы церковно-феодальной идеологии. На раннем этапе развития феодализма класс феодалов как молодой и поднимающийся занимал прогрессивные позиции. Значительно позднее (приблизительно

с XVII в.), несмотря на наличие и прогрессивных и реакционных тенденций в классе феодалов, последний, в основном, занимает реакционные позиции. Прогрессивное же начало в этой литературе идет, в основном, от трудового народа — прямо или косвенно, путем самых различных форм воздействия народной идеологии и народного, крестьянского творчества.

Проблема народности литературы феодального периода не отделима от проблемы ее классового характера. Народность литературного произведения в классовом обществе теснейшим образом связана с классовой борьбой.

Такая постановка проблемы классового характера древнерусской литературы и ее народности отнюдь не позволяет делать вывода, что все, идущее от устного народного творчества, прогрессивно, а все специфически «письменное», «книжное» — реакционно. Мы должны со всею решительностью отнести такого рода скороспельные и неверные выводы о сущности классовой борьбы в литературе феодального периода.

Сама по себе письменность — величайшее завоевание человечества. Завоеванием русского народа являются и литературный русский язык и многие формы литературного творчества.

В устном народном творчестве не все и не всегда прогрессивно. Устное народное творчество отнюдь не едино. В нем есть стороны, связанные с отсталыми формами жизни. В нем есть такие жанры как заговоры, или духовные легенды — произведения, тесно примыкающие к культуре языческому или христианскому.

Борьба шла не между письменным началом и устным, как это иногда представлялось некоторым литератороведам, а между идеологиями двух основных классов эпохи феодализма. Письменность обслуживала оба класса. Борьба шла между двумя культурами внутри одной русской культуры.

Понятие народности литературы эпохи феодализма следующим образом конкретизируется В. П. Адриановой-Перетц в работе «Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия»:¹ «Понятие „народность древнерусской литературы“ определялось всем ходом исторического развития и на каждом этапе истории феодального строя имело свои характерные признаки. В это понятие прежде всего входило умение писателя уловить то новое в исторической действительности, что отвечало интересам трудового народа, и выразить это новое в художественной форме, стремящейся к реалистическому изображению, выразить средствами литературного языка, свободного от элементов, чуждых строю общенародного языка. Своеобразие самого по-

¹ Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VIII, 1951, стр. 95—96.

нятия „народность“ в русской литературе феодального периода, отличающее его от объема этого понятия в новое время, заключалось в ограниченности его содержания: воспитывая активную любовь к Родине и сознание необходимости защищать свободу и независимость государства, а следовательно и трудового народа от внешних врагов, даже передовые писатели древней Руси не могли сколько-нибудь полно отразить основное противоречие феодального строя — классовый антагонизм между трудовым народом и феодалами-собственниками. Критика в литературе отдельных сторон феодально-крепостнического строя была лишь слабым отголоском стихийного протesta самого народа, протesta, не раз принимавшего форму вооруженного восстания. Вопрос об освобождении трудающихся от феодально-крепостнического гнета литературой еще не ставился. Но писатели, мировоззрение которых соответствовало хотя бы такому ограниченному содержанию понятия „народность“, знали жившую и развивавшуюся непрерывно рядом с книжной литературой устную поэзию трудового народа. В этой поэзии, несмотря на исторически закономерную для феодального периода ограниченность классового сознания трудающихся, выражалась оценка народом исторических лиц и событий, его трудовой опыт и мечта о лучшей жизни. Чем глубже проникал писатель в противоречия жизни, чем больше внимания уделял он тяжелому положению угнетенного народа, тем ближе ему становилось поэтическое творчество трудающихся, тем закономернее литературные оценки совпадали с „народным мнением об истории“ (М. Горький). Так создавалась почва для того, чтобы в художественной системе древнерусского писателя обнаруживалось развитие основ, идущих от поэзии народа. В таких случаях усваивались и элементы художественной формы народной поэзии. Однако внешнее усвоение устно-поэтической фразеологии не делало памятник „народным“. Для установления закономерностей литературно-фольклорных отношений в XV—XVII вв. поэтому особенно важно выяснение характера всех связей каждого отдельного литературного памятника с народной поэзией». Мы привели эту обширную выписку из работы В. П. Адриановой-Перетц потому, что в ней с достаточной ясностью показана вся сложность проблемы народности того или иного произведения древней русской литературы. Как видно, в каждом отдельном случае эта проблема должна решаться с учетом самых разнообразных сторон изучаемого произведения. «Фольклорность» того или иного памятника литературы, а тем более его народность, отнюдь не должна устанавливаться только наличием в нем отдельных элементов народного творчества. Произведение может быть насыщено народной стилистикой или быть написано на

основе народного сюжета и быть одновременно антинародным по своей сущности. В обоих случаях народные элементы окажутся совершенно механически (и в конечном счете антихудожественно) включенными в произведение, тем более что само народное творчество в известной мере противоречиво, заключая в себе подчас элементы консервативные, отсталые.

Классовая борьба эпохи феодализма — борьба между феодалами-землевладельцами и крестьянами — непосредственными производителями материальных благ — в конечном счете определяла собой и движение историко-литературного процесса. Это положение характеризует только самые основные, общие линии развития древней русской литературы. Борьба консервативного и реакционного начала в древней русской литературе, взятой в ее целом, в конечном счете определяется этой борьбой классов антагонистов.

Изучение русской литературы феодального периода должно исходить из анализа классовой борьбы двух основных антагонистических классов феодального общества — класса землевладельцев-феодалов и класса зависимых крестьян. В борьбе этой необходимо учитывать внутриклассовую борьбу феодалов. Эта внутриклассовая борьба отнюдь не является внеклассовой или надклассовой. Внутриклассовая борьба среди феодалов была теснейшим образом связана с классовой борьбой эпохи феодализма. Именно поэтому-то ей и принадлежит немалая роль в развитии древней русской литературы.

Конкретное рассмотрение историко-литературного развития показывает, что внутриклассовая борьба имела в ней очень большое значение. Дело в том, что внутри феодального класса в свою очередь боролись прогрессивные и реакционные социальные группы и борьба эта накладывала сильнейший отпечаток на литературу. Прогрессивно настроенные социальные группы внутри класса феодалов уже по одному тому, что они противостоят реакционным группам, вынуждены прибегать к идеям, которые не носят узко классового характера, вынуждены аппелировать к интересам «всего» общества, искать идей «всеобщей значимости», конечно, приспособливая их к своим интересам. Вот почему в прогрессивных группах класса феодалов могли возникать идеи, которые отвечали интересам и этой группы, и народа. Борьба прогрессивных и реакционных групп позволяла проникать в литературу феодального класса идеям, отвечавшим интересам народа. Следовательно и в этой борьбе нельзя сбрасывать со счетов народ, его интересы. Таким образом, через внутриклассовую борьбу открывалась еще одна возможность для проникновения народного начала в литературу. Не следует также

забывать, что феодальный класс, взятый в его целом, пройдя многовековый путь развития, на каждом конкретном участке развития русской истории играл различную роль. В период раннего феодализма молодой поднимающийся класс феодалов был в основном прогрессивен. Вот почему и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — произведение, отражающее идеологию феодалов, — и прогрессивно и оптимистично. В дальнейшем внутри феодального класса борются прогрессивные и реакционные группы.

Говоря о борьбе внутри класса феодалов, мы должны остановиться на его особой структуре. Мы должны прежде всего учитывать следующее указание Ленина о классах рабовладельческого и феодального обществ: «Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив в капиталистическом, буржуазном обществе... классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные».¹

Отсюда ясно, что положение господствующего, феодального класса в государстве было юридически оформлено. Вместе с тем следует отметить, что в период развитого феодализма юридические нормы, оформившие положение класса феодалов, были отнюдь не однородны, отражая неоднородность и самого класса феодалов.

Основу феодализма составляли особые формы собственности на землю. Феодальный класс представлял собою пеструю картину различного отношения к земельной собственности. Земельные собственники были связаны между собой сложной цепью вассальных обязательств. Зависимое крестьянство несло на себе разветвленную иерархию господствующего класса — класса феодалов. Эта иерархия была юридически оформлена системой иммунитетных привилегий. Служебно-иерархическая система, которой были связаны между собой представители господствующего класса, соответствовала расчлененному характеру земельной собственности. Широкое развитие иммунитета, выросшего на основе расчлененного характера земельной собственности

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 97, примечание.

при феодализме, в свою очередь способствовало политической децентрализации и раздроблению государственной власти между отдельными землевладельцами. Отсюда неоднородность феодального класса, отсюда постоянная борьба отдельных землевладельцев, отдельных групп землевладельцев, занимавших в обществе различное положение, пользовавшихся различными правами на землю, отсюда, по выражению Ф. Энгельса, те «��истовые битвы господствующего феодального дворянства», которые «заполняли средневековье своим шумом».¹

Иерархическая структура земельной собственности была основой классовой эксплоатации феодалами непосредственных производителей материальных благ. Борьба между отдельными группами феодалов, борьба внутриклассовая, была борьбою прежде всего за земельную собственность и за непосредственных производителей материальных благ — за рабочие руки и за земельную ренту.

Сложная иерархическая структура феодального класса, основанная на расчененной форме землевладения при феодализме, была основой, на которой вырастала внутриклассовая борьба, в которой были отчетливо представлены прогрессивные и реакционные силы.

С начала феодальной раздробленности, еще в XI в., внутриклассовая борьба феодалов характеризуется борьбой отдельных княжеств и феодальных республик между собой. Однако эта борьба вовсе не носила характера только территориальной борьбы, как это представлялось буржуазным историкам литературы. Борьба идет не просто между отдельными областями, а между областями с различной расстановкой классовых сил. Следовательно и в этой феодальной борьбе были свои прогрессивные и реакционные силы.

В феодальной борьбе отдельных русских князей в XI—XIII вв. «революционные» слои города и деревни и в первую очередь те служилые элементы, из которых составится будущее дворянство, поддерживают сильную великокняжескую власть, представляющую прогрессивное начало в классе феодалов.

Уже тогда, в XII в., сильная власть великого князя определилась как представительница «порядка» и вступила в союзные отношения с прогрессивными силами, образовавшимися под поверхностью феодализма.² Роль сильной великокняжеской власти в данном случае соответствовала роли королевской власти,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 440.

² В. Пашута и Л. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. Вопросы истории, 1951, № 2, стр. 60.

прогрессивная деятельность которой в Западной Европе, по указанию Ф. Энгельса, берет свое начало с X в. Говоря о союзе королевской власти с «революционными» элементами города и деревни, Ф. Энгельс вместе с тем отмечал, что нередко этот союз нарушался в результате конфликтов, но «все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника».¹

Союз великокняжеской власти с «революционными» элементами города и деревни был в первую очередь направлен против боярства. Этот союз тянется на протяжении ряда столетий, то нарушаясь, то вновь возобновляясь, так как экономическая база его в первое время была еще слишком мала. Великокняжеская власть получает опору в трудовом народе, ибо только сильная власть князя могла дать народу защиту от внешних нашествий и ограничить борьбу феодалов. Стремясь найти опору в своей борьбе с боярством, великие князья нередко выступают в «защиту» «сирот и вдов», несколько смягчают феодальную эксплуатацию (Владимир Мономах), подчеркивают нелицеприятность своего суда и т. д. Страх восстаний и стремление получить в народных массах мощного союзника в равной мере сказывается во многих мероприятиях великокняжеской власти: во Владимиро-суздальском княжестве и в Галицко-волынском, отчасти в Киеве. «Защита» сирот постоянно сменялась жестокими подавлениями восстаний этих же самых «сирот», «нелицеприятный» суд оказывался на самом деле классово-лицеприятным. Союз с нарождающимся дворянством нарушался по другой причине: из среды «милостников», приближенных князя, постоянно выделялось сильное боярство, вступавшее в борьбу с князем. Так было во Владимиро-суздальском княжестве, так было и в других областях.

Представителями сильной великокняжеской власти с ее объединительными тенденциями были и Владимир Мономах, и Андрей Боголюбский, и Всеволод Большое Гнездо, и Даниил Галицкий. Это были представители прогрессивного начала внутри класса феодалов, хотя тенденция поработить и ограбить трудящиеся массы была свойственна им едва ли не в меньшей, если не в большей степени, чем другим князьям, другим представителям феодального класса.

Союз великокняжеской власти с «революционными» силами города и деревни был прогрессивен уже по одному тому, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

только он мог дать твердую оборону Русской земле. Идея этой обороны, проникая в литературу господствующего класса, составляла ее прогрессивную черту, делала ее народной, отвечающей народным интересам. Тема обороны Родины — основная тема всех лучших, всех прогрессивных произведений этой поры. Она составляет идейную основу «Повести временных лет», «Получения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли», ряда местных летописей и т. д.

Многие из произведений русской литературы этой поры именно потому используют устную народную поэзию, что они прогрессивны. Прогрессивность же для периода феодальной раздробленности определялась и для верхов феодального общества, и для эксплуатируемых низов в первую очередь идеями объединения и обороны Русской земли.

В национальной борьбе, в сознании необходимости твердой обороны Родины могли объединяться наиболее прогрессивные представители феодалов и трудовой народ.

Патриотизм был свойствен обоим классам-антагонистам феодального общества, но патриотизм этот был различен, хотя и имел точки соприкосновения. Яркою патриотичностью окрашено «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Это «Слово» создано автором-феодалом для феодалов, для читателей и слушателей, «преизлиха насытившихся сладости книжной». Иларион гордится русским государством, гордится успешным распространением в русском государстве христианства, гордится славными князьями этого государства: Владимир «славный из славных»; Русская земля «ведома есть и слышима всеми конци земли». Вне всякого сомнения, патриотичность «Слова» Илариона могла найти отклик и в народных массах, однако трудовой эксплуатируемый народ иначе бы выразил свои патриотические настроения. Народный патриотизм воплощен в «Слове о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» написано феодалом, — повидимому, дружиинником, но оно в значительной мере отразило интересы широких масс и овеяно патриотизмом, свойственным им же. «Слово о полку Игореве» говорит не об успехах христианства, не о внутреннем «устройении» государства. Оно говорит об обороне всей Русской земли, воспринимая Русскую землю как совокупность народа, «стран» (сельских местностей), городов, самой природы, как живое, страдающее и близкое существо. Оно призывает к защите Русской земли. С патриотическим подъемом оно говорит об отдельных сильных князьях, способных оборонить Русскую землю от врагов, о Ярославе Осмомысле, о Всеволоде Сузdalском, о Святославе Киевском, а не о княжеской дина-

стии в целом, о которой говорило «Слово» Илариона. В этой идее защиты Родины «Слово о полку Игореве» в значительной мере сходится с былинами.

Говоря о различии патриотизма «Слова о законе и благодати» и «Слова о полку Игореве», конечно, следует учитывать и различия в исторической обстановке, в которой возникли оба произведения. Между ними лежит около 130 лет («Слово о законе и благодати» Илариона относится к середине XI в., а «Слово о полку Игореве» написано, повидимому, в 1187 г.). За это время произошли крупные политические изменения, и тема защиты Родины стала особенно острой. Однако то же различие патриотизма характерно и для одновременных памятников, но возникших в различной социальной среде. «Повесть временных лет» сохранила в своем составе остатки дружинных песен. Их главная тема — смелые походы русских на Константинополь. Сохранила в своем составе «Повесть временных лет» и сюжет народного предания, близкого по типу к былинам. Тема этого предания — приход на Русскую землю печенегов и защита Русской земли от них юношей-коожемякой, вступившим в единоборство с печенежским богатырем. В походах на Константинополь были заинтересованы по преимуществу феодалы и только отчасти народ в связи с тем, что Византия захватила местности по северным берегам Черного моря. Защита Русской земли от набегов печенегов была народной задачей и задачей наиболее прогрессивных представителей класса феодалов. Таким образом, наиболее отличительная черта народного патриотизма заключалась в том, что патриотизм этот был по преимуществу связан с идеей защиты Родины и расходился с феодальными представлениями в оценке внутренней деятельности государства. Патриотизм феодального класса, отражая идеи внутреннего могущества государства, поднимался, вместе с тем, у наиболее прогрессивных представителей до осознания преимущественного значения общенародной защиты от внешних врагов, до осознания необходимости объединения Руси.

Таким образом, вопрос о борьбе прогрессивного начала с консервативным для эпохи феодализма и в особенности в его ранней стадии чрезвычайно сложен.

Подлинно художественное творчество органически связано с творчеством народа. Оно воплощает в себе национальную специфику, оно отражает в себе, — в своей наиболее передовой части, — стремления и чаяния народа, хотя далеко не в полной мере и не непосредственно. Авторы произведений, отражавших идеологию господствующих классов, вынуждены были «брать на вооружение» достижения народных трудовых масс, пользоваться

тем опытом и теми лучшими традициями художественного мастерства, которые вносил в свое искусство народ.

В эпоху раннего и развитого феодализма литературное творчество отнюдь не составляло достояния исключительно только представителей феодального класса. Значение народа в формировании литературы было очень велико. Однако это значение трудовых масс сказывается в литературе далеко не непосредственно. Творческое своеобразие литературы, ее движение вперед, нарастание в ней элементов реалистичности и т. д. — определялись народом лишь в конечном счете. Тем самым отнюдь не умаляется господствующая роль в литературе феодального класса. Не может отрицаться в литературе и творческая роль феодального класса, поскольку в самом феодальном классе борются прогрессивные и реакционные силы и эта внутриклассовая борьба, без учета которой невозможно понять многие явления древнерусской литературы, входит как часть в общую борьбу антагонистических классов феодальной формации. Прогрессивные силы внутри феодального класса прогрессивны постольку, поскольку они выставляют политические задачи, соответствующие общенародным интересам. Эти задачи для интересующего нас периода являются в основном задачами защиты Русской земли. Задачи эти объединяют и прогрессивную часть древнерусской литературы, и русский былевой эпос.

*

Русская литература возникла как литература древнерусской народности. Она была литературой всей народности в целом, а не какой-либо ее части, и обладала уже при самом своем возникновении некоторыми чертами, присущими ей как литературе именно древнерусской народности. На заре своего возникновения она заключала в себе уже некоторые черты будущей великорусской литературы, будущей украинской литературы, будущей белорусской литературы в их национальной специфике. Эта национальная специфика проявлялась еще очень неполно, но уже вполне определенных чертах.

Прежде всего коснемся в самом скжатом виде вопроса об образовании русской или точнее древнерусской народности.¹

¹ Термин «древнерусская народность» предложен В. В. Мавродиным в статье «Основные этапы этнического развития русского народа» («Вопросы истории», 1950, № 4; результаты обсуждения этой статьи см.: «Вопросы истории», 1951, № 5, стр. 137—139) во избежание путаницы («русская народность» VIII—XIII вв. отнюдь не равнозначна «русской, великорусской народности» XIV—XVI вв.; первая развилаась впоследствии в три народности — великорусскую или русскую, в собственном смысле этого слова, в украинскую и белорусскую).

И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкоznания» установил следующие этапы развития языка: «... от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей, и от языков народностей к языкам национальным».¹ Тем самым И. В. Сталинским установлены и основные этапы складывания наций: от рода к племени, от племени к народности и от народности к нации.

С развитием феодального строя и распадом отношений родового общества определился переход от восточнославянских племен к единой древнерусской народности, а затем к выделению в единой древнерусской народности трех братских народностей: великорусской, украинской и белорусской. С развитием капиталистического уклада, с распадом феодальных отношений происходит процесс развития народностей в нации; образуется русская нация. И. В. Сталин пишет: «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации».²

Итак, переход от бесклассового общества к обществу классовому — феодальному — был связан у восточнославянских племен с постепенным формированием древнерусской народности. Этот процесс образования древнерусской народности начался, повидимому, задолго до появления раннефеодального древнерусского государства. Внешним проявлением этого процесса складывания восточнославянских племен в древнерусскую народность являлось возникновение у них различных политических объединений, как, например, государственного объединения дулебов, и др.

В работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин дал следующее классическое определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».³ Вместе с тем, И. В. Сталин отмечает, что «... элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический».⁴

Образование древнерусской народности было несомненно связано с некоторой общностью — языковой, экономической, территориальной, психического склада и культурной. Однако

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1951, стр. 13.

² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 11 стр. 336.

в отличие от образования нации общность эта не была устойчивой. И. В. Сталин подчеркивает, что нация является исторически сложившейся — устойчивой общностью людей. Этой веками слагающейся устойчивой общностью древнерусская народность еще не обладала и не могла обладать. Племенные различия не успели еще стереться. Экономические связи были еще очень слабы. Раннефеодальное государство было только относительно едино. Тем не менее, относительное единство древнерусской народности имело огромное значение и в развитии устного народного творчества, и в развитии литературы. Кроме того, возникновение литературы и развитие народного творчества, уничтожение в этом последнем племенной изолированности сыграли значительную роль в формировании древнерусской народности, в складывании ее культурной общности.

Древнерусская литература возникла как литература всей древнерусской народности, а не как литература того или иного племени, не как литература местная. «Повесть временных лет» и предшествовавшие ей летописи всем своим замыслом показывают историю Русской земли в ее целом основаны на идее единства Русской земли. В древнейших русских летописях дана история Руси, а не история Киева или Новгорода. Не случайно, что древнейшая киевская летопись быстро получила распространение далеко за пределами Киева: еще в XI в. известия ее влились в состав новгородской древнейшей летописи,¹ а известия новгородской летописи отразились в составе киевской «Повести временных лет».² В XII в. «Повесть временных лет» вновь проинкала на далекий север — в Новгород,³ а затем получила продолжение и в Киеве,⁴ и в Переяславле Южном,⁵ и во Владимире Залесском,⁶ и в Чернигове.⁷ В XIII в. она же переписывается в Ростове,⁸ в Переяславле Залесском⁹ и во многих других городах. Уже в конце XI в. галицко-волынская повесть об ослеплении Василька Теребовльского включается в состав

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 491 и сл.

² Там же.

³ Д. Лихачев. Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. Исторические записки, № 25, М.—Л., 1948.

⁴ Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 176 и сл.

⁵ Там же, стр. 186, 273 и сл.

⁶ Там же, стр. 268 и сл.

⁷ Там же, стр. 185 и сл.

⁸ Там же, стр. 282 и сл.

⁹ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Ученые записки Ленинградского университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939.

киевской «Повести временных лет».¹ «Поучение» киевского князя Владимира Мономаха, повидимому, переписывалось уже в XII в. на северо-востоке Руси.² Киево-печерский патерик возник из переписки начала XIII в. Симона и Поликарпа, живших в различных концах Русской земли. Различные концы Русской земли обнимала также переписка Кирилла Туровского и Андрея Боголюбского; Владимир Мономах обращался с письмом к Олегу Святославичу Черниговскому. Литературные связи существовали между Галицко-волынской землей и Владимиро-суздальской, а также Новгородской.³

Гордость за свою Родину, за Русскую землю, сознание ее единства явственно ощущаются и в летописи, и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, и в «Сказании о Борисе и Глебе», и в «Хождении» «игумена Русской земли» Даниила. В пору феодальной раздробленности — в XII и в XIII вв. — русская литература, в основном, в ее лучших произведениях продолжает сохранять свое единство. Общерусскими, а не узко местными, оказываются сочинения Кирилла из Турова, Климента из Смоленска, Серапиона из Владимира. Общерусским по идее и по своему распространению было «Слово о полку Игореве». «Безвестный автор „Слова“, несомненно передовой человек своего времени, высоко поднял знамя национального объединения русского народа, прекрасно понимая, что в нем заключено спасение и процветание русской государственности», — писала в передовой статье газета «Правда» (от 26 мая 1938 г.). Отдельные произведения, как, например, повесть о битве на Калке, обходят всю Русскую землю, отражаясь во многих местных русских летописях.

Вот почему неправильно говорить о литературе «киевского периода» применительно к русской литературе XI—XIII вв.: период XI—XIII вв. — период общерусский, принадлежащий всей древнерусской народности. Не следует считать, что в период феодальной раздробленности единство русской литературы отсутствует, что все произведения русской литературы подпадают под рубрику «областных», «местных». Конечно, местные интересы интенсивно сказываются в ряде летописей (например

¹ М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленинградского университета, № 67, серия исторических наук, вып. 7, 1940, стр. 5 и сл.

² История русской литературы, т. I. Институт литературы АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 296—297.

³ Д. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947.

новгородской), в ряде второстепенных произведений, но в основном русская литература продолжает оставаться русской (общерусской) по преимуществу. Единство русской литературы в XII—XIII вв. обусловлено тем, что и единство Русского государства в этот период также, в известной мере, продолжает сохраняться. Это убедительно подчеркнуто в статье В. Пашуто и Л. Черепнина «О периодизации истории России эпохи феодализма». Авторы этой статьи пишут: «В новой структуре государственной организации общерусская власть „великого князя“ киевского, однако, не исчезла вовсе, но она свелась к минимуму: о ней вспоминали (вплоть до татаро-монгольского нашествия) лишь при решении некоторых дел, интересовавших правителей большинства „полугосударств“ России (охрана южных торговых путей, оборона от степняков-кочевников, вопросы церковного управления, некоторые общерусские дипломатические вопросы и т. п.). Поэтому мы вправе говорить о монархии периода феодальной раздробленности. Что же произошло с раннефеодальным государством, с феодальной монархией? Товарищи И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров не случайно пишут о России в период феодальной раздробленности, подчеркивая тем самым то общее, что объединяло русские „полугосударства“ и отличало их от нерусских стран. Государственный строй приобрел расчененную форму, соответствующую расчененной форме земельной собственности и более соответствующую классовым интересам феодалов, — форму, типичную для европейских государств изучаемого периода. Реальная государственная власть перешла к феодалам отдельных русских „полугосударств“ (среди них были и городские феодальные республики); правители крупнейших из них (размерами не уступавших иным западноевропейским государствам) с течением времени все настойчивее выступают претендентами на объединение Руси на новой феодальной основе, объявляя себя „великими князьями“ всей Руси, стремясь использовать в своих целях и захват киевского великого княжения».¹

«Областные тенденции» являлись проявлениями идеологии местного боярства, иногда купечества, отдельных мелких князей и других представителей господствующего класса. «Областные, местные тенденции» представляли собой формы проявления классовой идеологии местных феодалов. Они отнюдь не были присущи той или иной областной литературе в ее целом.

Это объяснялось тем, что феодальное дробление было на руку феодальным верхам — господствующему классу землевладельцев,

¹ В. Пашуто и Л. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. Вопросы истории, 1951, № 2, стр. 58.

но не трудовому народу, который страдал больше всего от княжеских усобиц и усилившегося в условиях феодальной раздробленности классового гнета. Феодальное дробление, в первую очередь, отвечало классовым интересам землевладельцев. Н. Г. Чернышевский писал: «...распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями..., но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семантическим распоряжениям князей».¹ Вот почему в литературе каждой из областей местные «областные» центробежные тенденции сказываются по преимуществу в тех произведениях, которые связаны своими идеями с господствующим классом феодалов-землевладельцев. Между тем, народное творчество в широком значении этого слова едино повсюду. Одинаков труд ремесленников, одинаков фольклор. Конечно, и здесь могут быть различия, главным образом количественные, обусловленные различиями в развитии производительных сил. Качественные различия (различные «областные стили» в архитектуре, в живописи, в литературе) возникают по преимуществу в культуре господствующего класса.

Вместе с тем, надо принять во внимание, что русский язык в XII—XIII вв. (при различии в диалектах) был един, было едино законодательство — светское (*Русская Правда*) и церковное, едина была денежная система (гривенная), едины были многие обычаи (как народные, так и господствующего класса), отдельные русские княжества связывали единство предшествующего исторического развития.

Итак, русская литература XI—XIII вв., в основном, не была литературой узко местной. Каждое значительное произведение русской литературы обходило весь горизонт Русской земли, распространялось по всему ее лицу. Каждое значительное произведение русской литературы отражало идею единства Руси; сознание общерусского единства было очень интенсивным в лучших произведениях русской литературы XI—XIII вв. Наконец, каждое значительное произведение русской литературы этого времени обладало уже некоторыми качественными особенностями, специфически присущими ему как произведению литературы древнерусской народности.

Национальная специфика древнерусской литературы, качественные особенности древнерусской народности проявились уже в древнейших русских литературных произведениях. Они есть

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, стр. 570.

в древнейших русских летописях, в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Молении Даниила Заточника» и, особенно, в «Слове о полку Игореве».

В чем же проявились национальные черты русской литературы XI—XIII вв.? Национальная специфика русской литературы теснейшим образом связана с своеобразием исторической жизни русского народа.

В XI—XIII вв. русскому народу приходилось вести беспрерывную изнурительную борьбу за свою независимость и за целостность своего государства со степными народами, вторгавшимися на Русь со стороны бескрайних, легко доступных южных и юго-восточных степей. Эта борьба требовала от русского народа напряжения всех сил.

Лучшие произведения древней русской литературы отразили в себе ясное осознание широких общенародных интересов, ясный взгляд на русскую историю, умение мужественно осознавать недостатки настоящего. Замечательным образцом такого рода произведения является «Повесть временных лет». Стойкий характер и мужественное терпение ярко сказались в «Слове о полку Игореве». Это произведение, описывая поражение русских, призывает к новой борьбе, оно с ясностью утверждает несгибаемую волю к победе русского народа. Оно мужественно по настроению, по идеи, преисполнено смелого и ясного взгляда на русскую действительность XII в. К терпению и стойкости, к лишениям во имя блага родины призывает и «Поучение» Владимира Мономаха. Все эти национальные черты проявились далеко не полно и только в лучших, наиболее прогрессивных произведениях русской литературы XI—XIII вв. Однако именно этим чертам принадлежало будущее, именно им предстояло развиться и укрепиться.

Лучшие произведения русской литературы XI—XIII вв. народны, поскольку в своем горячем призыва к защите родины они ответили интересам не только прогрессивной части феодалов, но и интересам трудового народа. Патриотизм, народность и национальная специфика русской литературы XI—XIII вв. связаны между собой теснейшим образом.

Н. Г. Чернышевский отметил, что глубокий патриотизм, беззаветное служение народу, являются специфическими чертами русской культуры. Он отметил в русской культуре «страстное, беспредельное желание блага родине», «служение на пользу общую». Н. Г. Чернышевский пишет: «Понимая патриотизм в этом единственном истинном смысле, мы замечаем, что судьба России в отношении к задушевным чувствам, руководившим деятельностью людей, которыми наша родина может гордиться,

доселе отличалась от того, что представляет история многих других стран. Многие из великих людей Германии, Франции, Англии заслуживают свою славу, стремясь к целям, не имеющим прямой связи с благом их родины; например... многие из величайших ученых, поэтов, художников имели в виду служение чистой науке или чистому искусству, а не каким-нибудь исключительным потребностям своей родины... У нас не то: историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма».¹ Н. Г. Чернышевский в этих строках имеет в виду новую русскую литературу, однако это обстоятельство не должно умалять для нас всю значительность его слов и для литературы древней. Преемственная связь русской литературы XVIII—XX вв. с литературой древнерусской недостаточно еще учтена в науке.

Русская литература XI—XIII вв. в своих лучших, наиболее прогрессивных произведениях посвящена одной теме — теме родины. Подлинным героем «Повести временных лет» или «Слова о полку Игореве» является не кто-либо из русских князей, но вся Русская земля, воспринимаемая с необычайной конкретностью, как живое, страдающее существо. Забота об интересах родины отчетливо выступает в «Сказании о Борисе и Глебе», в «Хождении» игумена Даниила, в «Поучении» Владимира Мономаха, в черниговском «Слове о князех», во владимирско-суздальском летописании, в летописании галицко-волынском, в отдельных воинских повестях или проповедях.

Русская литература XI—XIII вв. не знает развлекательных жанров, она не знает любовной лирики или манерности, столь свойственной литературе западного средневековья. Это литература целеустремленная; это литература мужественного патриотизма, мужественного и светлого раздумья над судьбами Русской земли. Общественная, гражданская струя в русской литературе, столь типичная для нее в XIX и XX вв., определилась в ней уже в XI—XIII вв.

Стойкость национальной специфики русской литературы на заре ее существования позволила ей творчески преодолеть все иноземные воздействия, взять из переводной литературы все то, что могло способствовать развитию в ней самобытных черт.

¹ Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 136—137. См. об этой черте русской литературы: Д. Д. Благой. Национальные особенности русской литературы в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. М., 1952, стр. 15—16.

Русская литература XI—XIII вв. не только возникла на единой основе древнерусской народности, но и сама, в свою очередь, способствовала сложению этой народности, создавая ту общность культуры, которая является одним из необходимых признаков образования народности, а затем и нации.

*

Мы рассмотрели выше проблему классового характера русской литературы XI—XIII вв., проблему ее народности и проблему ее национальной специфики. Все эти проблемы взаимосвязаны. Вопрос о прогрессивности той или иной тенденции в литературе может быть решен только в связи с решением вопроса о ее классовом характере, народности и национальной специфике. Все вместе дает материал для решения вопроса об общих путях развития русской литературы XI—XIII вв., о ее становлении как творчества художественного.

Затронутые нами вопросы чрезвычайно сложны и, как мы стремились показать, решаются только на основе точного, конкретного знания общеисторических процессов этого времени. История русской литературы есть часть истории русского народа.

